

ИСТОРИЯ

Библиотека
журнала
Неприкосновенный
запас

АЛЕЙДА АССМАН

Забвение
истории –
одержимость
историей

Новое
Литературное
Обозрение

Москва 2024

УДК 930.2
ББК 63.013
А90

Редактор серии
А. Куманьков

Составитель Б. Хлебников

Ассман, А.

А90 Забвение истории — одержимость историей / Алейда Ассман; составление, пер. с нем. Б. Хлебникова. — 2-е изд. — М.: Новое литературное обозрение, 2024. — 552 с. (Библиотека журнала «Неприкосновенный запас»)

ISBN 978-5-4448-2515-0

ISSN 1815-7912

Немецкий историк и культуролог Алейда Ассман — ведущая исследовательница политики памяти Европы второй половины XX века. Книга «Забвение истории — одержимость историей» представляет собой своеобразную трилогию, посвященную мемориальной культуре позднего модерна. В «Формах забвения» Ассман описывает взаимосвязь между памятью и амнезией в социальных, политических и культурных контекстах. Во второй части трилогии («1998 — между историей и памятью») автор прослеживает, как Германия от забвения национальной истории переходит к одержимости историей, сконцентрированной вокруг национал-социализма. Наконец, в «Истории в памяти» Ассман показывает, как на смену единому национальному нарративу XIX века приходят плюралистические и противоречивые подходы к прошлому в рамках «нового историзма XXI века». Индивидуальные биографии, семейные истории, романы, музейные экспозиции, а также мемориальная архитектура и исторические реконструкции событий приобретают особую роль в обострении конфликтов (меж)поколенческой памяти. Работы Алейды Ассман позволяют по-новому взглянуть на необратимые изменения, которые переживает западноевропейская культура после Второй мировой войны.

УДК 930.2

В оформлении обложки использована фотография Юргена Штрупа из доклада о ликвидации Варшавского гетто, май 1943 г. NARA (National Archives and Records Administration)

ББК 63.013

Aleida Assmann

Geschichtsvergessenheit — Geschichtsversessenheit: Vom Umgang mit deutschen Vergangenheit nach 1945 — © A. Assmann, 2019

Formen des Vergessens (Формы забвения) — © Wallstein Verlag, Göttingen, 2016

Geschichte im Gedächtnis (История в памяти. От индивидуального опыта к публичному инсценированию) — © Verlag C. H. Beck oHG, München 2014

© Б. Хлебников, составление, перевод с немецкого, 2019

© Д. Черногасв, дизайн обложки, 2019

© ООО «Новое литературное обозрение», 2019; 2024

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к русскому изданию	5
--	---

Формы забвения

Предисловие	11
Скращение памятования и забвения	11
Техники забвения	19
<i>Стирание</i>	20
<i>Прикрытие</i>	20
<i>Сокрытие</i>	20
<i>Умолчание</i>	21
<i>Переписывание (палимпсест)</i>	21
<i>Игнорирование</i>	22
<i>Нейтрализация</i>	23
<i>Отрицание</i>	24
<i>Утрата</i>	24
Подходы к проблеме и работы предшественников	24
Семь форм забвения	28
Автоматическое забвение: материальное, биологическое, техническое	28
Сберегающее забвение — вхождение в архив	33
Селективное забвение — фокусировка и значение рамок памяти	39
Карающее (<i>damnatio memoriae</i>) и репрессивное забвение	44
Охранительное и совиновное забвение для защиты преступников	48
Конструктивное забвение — <i>tabula rasa</i> на службе новых начал в политике и биографиях.	51
Терапевтическое забвение — оставить время прошлого позади	56
Резюме	58

Семь примеров	60
(Не)видимость памятников: Музиль, Алёша и Карл Люгер	60
<i>Музиль</i>	60
<i>Алёша</i>	65
<i>Карл Люгер</i>	69
Забыть Ленина — об исчезновении памятников и исторических дат	74
<i>Памятники Ленину</i>	74
<i>От межнационального Советского Союза</i> <i>к российской нации</i>	77
<i>Ленинленд</i>	82
Лёвен, Сараево, Пальмира — вандализм и разрушение материального культурного наследия	88
<i>Забятая Первая мировая война</i>	88
<i>Библиотека Лёвена</i>	92
<i>Сараево</i>	96
<i>Пальмира</i>	103
В тени Холокоста — Армения, гереро и нама: геноциды в начале XX века	112
<i>На полпути между памятованием и забвением:</i> <i>терминологические споры</i> <i>и дипломатическое лавирование</i>	112
<i>Армянский геноцид: травма и память</i>	117
<i>От геноцида к мнемоциду</i>	119
<i>Армянский геноцид как часть немецкой истории</i>	123
<i>Уничтожение племен гереро и нама —</i> <i>первый геноцид XX века</i>	126
<i>Настоящее и будущее колониального прошлого</i>	128
Накба и Холокост — палестинские места памяти в Израиле	131
<i>Пространство и забвение</i>	131
<i>Земля и три нарратива</i>	133
<i>«Зохрот»: памятование в виде экскурсий по городу</i>	138
<i>Забывать или помнить</i>	143
Удаление краеугольного камня: случай Ханса Роберта Яусса и университета Констанц	145
<i>Фаза первая: коммуникативное замалчивание</i> <i>с 1960-х до 1980-х годов</i>	147
<i>Фаза вторая: нарушение молчания</i> <i>в 1980-е и 1990-е годы</i>	154
<i>Фаза третья: удаление краеугольного камня</i> <i>(2015–2016)</i>	160

Право на забвение	166
<i>Проблемы и стратегии забвения</i>	168
<i>От забвения к памятованию</i>	172
<i>Новая структура времени?</i>	176
<i>Хранить и помнить</i>	180
Заключение	188

1998 — между историей и памятью

Введение	195
История в памяти	200
Воспоминание как возбудитель	200
Превращение настоящего в прошлое	205
История памяти	210
Три формы памяти	215
<i>Коммуникативная память: индивидум и поколение</i>	216
<i>Коллективная память: победители и побежденные, жертвы и преступники.</i>	222
<i>Культурная память: институты, медиа, интерпретации</i>	230
Ключевые слова дискуссии	235
Финальная черта	235
Нормализация	243
Позитивный и негативный национализм	247
Моральная дубина	254
Инструментализация	256
Ритуализация	260
Вина и совесть	266
Стыд, позор, бесчестие	273
Стыд и вина — две культуры?	274
1945 — слепое пятно немецкой мемориальной истории	285
Час ноль — освобождение или поражение?	285
Новый человек — маска или характер?	293
Коллективная вина — немецкая травма?	302
Томас Манн: «Наш позор предстал теперь глазам всего мира»	308

Карл Ясперс: «Это ваша вина!»	314
Эрих Кёстнер: «О чем нельзя молчать и невозможно говорить»	320
Ойген Когон: «Голос совести не проснулся»	324
Ханс Шнайдер/Шверте: «Это потрясло меня до глубины души»	327
Поворотные моменты немецкой мемориальной истории	332

История в памяти

От индивидуального опыта к публичному инсценированию

Предисловие	345
Введение. Немецкая история — долгая или короткая?	351
История как прогресс и история как память	359
Бореровский идеал новой национальной истории	361
Три измерения мемориальной культуры	363
Воплощенная история — о динамике поколений	369
Поколения — «водяной кирпич»	370
Поколение 45-го года	375
Хельмут Шельски — портрет скептического поколения	380
Сцепления между скептическим поколением и поколением 68-го года	383
Прощание с военным поколением — публичные уроки истории	387
Расставание с «шестидесятниками»: поколенческие идентичности и эпохальные переломы	393
Малый брeвиарий поколений: обзор семи поколений XX века	400
Резюме	411
История в семейной памяти:	
личный взгляд на мировую историю	414
Начало и конец, разрыв и преемственность	414
От «отцовской литературы» к семейному роману	417
Дагмар Леопольд: «После войн»	420
Штефан Ваквиц: «Невидимая земля»	426
Резюме	435

История в публичном пространстве:	
архитектура как носитель памяти	441
Послевоенное восстановление и «Новая родина»	445
Бонн — музезализация временной столицы	453
Берлин — город как палимпсест	456
<i>Борьба за новый центр</i>	460
<i>Восстановление и реконструкция</i>	462
<i>Пруссия как национальный символ</i>	465
<i>Дебаты о берлинском Городском дворце</i>	468
Резюме	475
Инсценирование истории:	
музеи и медиальные презентации	479
Выставки и музеи	480
<i>Возвращение (региональной) истории:</i>	
<i>Баден-Вюртемберг под знаком Гогенштауфенов</i>	480
<i>От региональной к европейской истории:</i>	
<i>Священная Римская империя германской нации</i>	486
<i>Национальная история в европейских рамках:</i>	
<i>бегство и изгнание</i>	489
Три основные формы исторической репрезентации:	
нарратив, экспонирование, инсценирование	493
Магия вещей	499
<i>О статусе экспонатов</i>	499
<i>Ретрокультура и волны ностальгии</i>	503
Инсценирование истории	506
Немецкая история в (голливудских) кинофильмах	507
Арены истории: инсценирования	
на местах исторических событий	513
<i>Два берлинских арт-проекта</i>	
<i>Шимона Атти и Софи Калле</i>	513
<i>Проект «Без границ» пограничного Хельмштедта</i>	515
<i>Айпод в качестве гида:</i>	
<i>психологический фильм в Йене — Каспедо и Гузене</i>	517
<i>«Живая история»: инсценирование истории</i>	
<i>как перформанс</i>	520
Перспективы: переизобретение нации	526

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Среди нынешних потрясений, кризисов и конфликтов утреннее радио (25 июня 2019 года) порадовало хорошей новостью: «После пятилетнего перерыва России возвращают право голоса в Парламентской ассамблее Совета Европы». К новости добавлено напоминание: «Совет Европы со штаб-квартирой в Страсбурге является крупнейшей межгосударственной организацией на европейской территории. Созданный семьдесят лет назад, он объединяет 47 стран-участниц. Совет Европы следит за соблюдением прав 830 миллионов граждан».

Обычно СМИ стремятся возбудить людей, для чего предпочитают сообщения, вызывающие шок и тревогу. Но, судя по утренней новостной программе, дела могут обстоять и иначе. Отрадно слышать, что процесс эскалации противостояния способен пойти в обратном направлении. Чем же так важна сегодняшняя новость? Она свидетельствует о том, что полувековые усилия по достижению разрядки напряженности в отношениях между Востоком и Западом не были напрасными. Заключительный акт Хельсинкского совещания, подписанный в 1975 году, изменил политический климат Европы. Отныне политики сделали ставку не на конфронтацию и устрашение, а на меры, формирующие взаимное доверие. Заключительный акт по безопасности и сотрудничеству в Европе подписали тридцать пять стран Восточного и Западного блоков. Этот акт обеспечивал надежность существующих границ и соблюдение прав человека. Не являясь международным договором, он содержал добровольно взятые на себя обязательства государств-участников, что позволяло политикам работать в условиях

доверия и безопасности и предоставляло гражданам новые пространства свободы для мыслей и действий.

Нынешнее решение ПАСЕ, восходя к этой странице нашей истории, вновь наводит мосты там, где появились рвы или пропасть. Вспоминая об истории политической разрядки в отношениях между Россией и Германией, нельзя забывать и о том, что предшествовало ей, а именно о длительной истории вражды и об угрозе, исходившей от Германии. Вторая мировая война развязывалась с целью уничтожения европейских евреев, все немцы знают сегодня об этом, но не все немцы сознают, что она была еще и истребительной войной против поляков и русских.

Почему немцы до сих пор не сознают этого? Ответ я нашла в работах еврейского историка Джорджа Л. Мосса (1918–1999), вынужденного в юности эмигрировать из Германии. Мосс точно описывает, как после 1918 года создавался героический миф об «опыте войны», сыгравший позднее важнейшую роль в идеологии нацистского государства и мобилизации немцев для Второй мировой войны. Оксфордский историк Николас Старгардт задается в своей новой книге вопросом о том, почему немцы поддались тогда, а многие поддаются и до сих пор целенаправленному обману, который выдавал жестокую, колониальную, захватническую войну за войну оборонительную? Как немцы могли «считать себя патриотами страны, находящейся в опасности, будучи солдатами гитлеровской нации господ»?¹ Мосс отвечает на этот вопрос так: миф о Первой мировой войне сохранял свое определяющее коллективное воздействие и на период Второй мировой войны. Немецкие агрессоры видели себя защитниками родины от внешней вражеской угрозы. Политическая пропаганда насаждала для этого чувство угрозы, распаляла вражду немцев по отношению к русским. В этом мифе укоренились коллективные установки,

¹ *Stargardt N. Der deutsche Krieg 1939–1945. Frankfurt a. M., 2017. S. 32.*

действовавшие еще долгие годы после Второй мировой войны. Ведь холодная война сделала конфронтацию с Россией и враждебное отношение к ней государственной доктриной ФРГ, поэтому западным немцам приходилось ломать сложившиеся политические установки, чтобы стать подлинными демократами и изжить в себе ксенофобские настроения по отношению к Востоку. В 1951 году Конрад Аденауэр еще выражал подобные установки следующими словами: «Мы должны сделать для себя выбор между азиатским варварством и европейским христианством».

Я напомнила о долгой истории идеологически насаждаемой вражды между народами, чтобы показать, что многие немцы (особенно старшего поколения) так до конца и не сумели преодолеть ее. Именно в этом контексте я воспринимаю сегодняшнее известие о возвращении России в ПАСЕ. У нас идет затянувшийся спор по вопросу, является ли ислам частью Германии. Но не стоит вопрос, является ли Россия частью Европы. Разумеется, да, причем не только в географическом или геополитическом плане, но и по причине многовековых, тесных и разнообразных связей между Востоком и Западом Европы. После Вестфальского мира 1648 года Великое княжество Московское заняло прочное место в ансамбле европейских держав. Во времена Лейбница и эпохи Просвещения эти связи стали особенно близкими. Сюда следует добавить уникальность культурных контактов, ставших возможными благодаря взаимным путешествиям и переводам. Это то, что я называю «shared heritage» (совместным культурным наследием).

К сожалению, это ключевое понятие, предложенное Европейской комиссией в качестве девиза для 2018 года, объявленного Годом культурного наследия, используется в слишком узком смысле, селективно и применительно только к Европейскому союзу. Однако широкие научные исследования в области мемориальной культуры позволяют видеть в понятии «совместного культурного наследия» нечто большее, чем

«знак качества», которым политики награждают самих себя; это — важный ориентир для ангажированных граждан, устанавливающих новые и широкие связи поверх национальных границ, руководствуясь мыслью Карла Ясперса: «истинно то, что нас объединяет». Самокритичное изучение мемориальной культуры указывает на то, что политические идеологии способны стереть из истории целые эпохи, погубив тем самым ценные сокровища общечеловеческой культуры. И наоборот, изучение мемориальной культуры позволяет восстановить в памяти долгую и богатую историю российско-германского культурного наследия, расширяя наши знания друг о друге и стимулируя взаимный интерес друг к другу. Образование, научные исследования, личные контакты и, прежде всего, переводы являются эффективным средством против политической эксплуатации культурного наследия. Поэтому я завершаю краткое предисловие благодарностью моему энергичному, неутомимому, замечательному другу и переводчику Борису Хлебникову.

Формы забвения¹

¹ *Assmann A.* Formen des Vergessens. Göttingen: Wallstein Verlag, 2016.

ПРЕДИСЛОВИЕ

В Германии сформировалась мемориальная культура, связанная с убеждением, что забвение не может освободить немцев от исторического бремени Холокоста. Поэтому память занимает в нашей культуре центральное место, где она все чаще ассоциируется с этическим долгом. Против этого распространенного мнения протестует Ян Филипп Реемтсма: «Обязанность помнить, императивная семантика памяти... Но в чем состоит императив воспроизводства памяти? Памятование и забвение — свойства человеческой памяти, как таковые они не хороши и не плохи; обе эти способности лишь помогают справиться с жизненными обстоятельствами»¹. Памятование и забвение сами по себе не хороши и не плохи, тут с Реемтсмой нельзя не согласиться. Однако забвение представляет собой нечто большее, нежели дефицитарный модус памятования. Оно значит гораздо больше, нежели очевидная слабость памяти и ее эпизодические провалы. Поэтому для того, чтобы составить себе представление о разнообразных формах и функциях забвения, необходимо задаться вопросами о психологических, социальных и политических условиях, в рамках которых люди помнят или забывают, а также об эмоциях, которые при этом мобилизуются или заглушаются.

СКРЕЩЕНИЕ ПАМЯТОВАНИЯ И ЗАБВЕНИЯ

Мы способны мыслить только посредством нашего языка, поэтому всегда располагаем лишь теми категориями и взаимосвязями значений, которые заданы словами нашего языка.

¹ *Reemtsma J. Ph.* Wozu Gedenkstätten? // *Politik und Zeitgeschichte*. 2010. № 3 (25/26).

Слово «забвение» обычно находится в четкой оппозиции к слову «памятование». Забвение является в этой паре антиподом и противоположностью по отношению к забвению, одно исключает другое. Противоположность забвения и памятования имеет определяющее значение для нашего мышления. Оба понятия тяготеют к порождению дальнейших оппозиций:

забвение — памятование
плохо — хорошо
просто — трудно
даром — дорого
быстро — медленно
бессознательно — осознанно

Подобная парадигма, встроена в сам язык, объясняет, почему памятованию исследователи уделяют гораздо больше внимания и отдают больше усилий. Но не забыли ли мы, занимаясь развитием мемориальной культуры, изучением индивидуальной и коллективной памяти, о самом забвении?¹

Отнюдь, забвение давно вернуло к себе внимание исследователей. Большой интерес вызвала статья Пола Коннертона «Семь форм забвения», открывшая в 2008 году первый номер журнала «Memory Studies». Энн Уайтхед заговорила в 2009 году о дискурсивном повороте в мемориальных исследованиях от памятования к забвению: «Это звучит парадоксом, однако забвение является важным, существенным элементом в дальнейшем развитии мемориальных исследований»².

Одновременно мы отказались от представления, будто памятование и забвение являют собой идеально-типическую

¹ Krämer S. Das Vergessen nicht vergessen! Oder: Ist das Vergessen ein defizienter Modus von Erinnerung? // Fischer-Lichte E., Lehnert G. (Hg.) Inszenierungen des Erinnerns. Berlin, 2000. Bd. 9. H. 2. S. 251–275.

² Whitehead A. Memory. Critical Idiom Series. London, 2009. P. 154.

противоположность. Изучение забвения приводит к выводу о скрещении обоих понятий. Впрочем, подобный взгляд далеко не нов.

Существует барочная эмблема, наглядно демонстрирующая неразрывную взаимосвязь памятования и забвения¹. Эмблема изображает открытую книгу, лежащую на облаке, что может удивить современного человека, рассматривающего эмблему, ибо она как бы предвосхищает одно из новейших средств электронного хранения информации (облачные ресурсы). Из облака идет дождь, который символизирует распространение знаний, содержащихся в книге. Однако лишь малая часть драгоценных капель попадает в узкогорлый сосуд, подставленный под книгу. Содержание книги нисходит с ее страниц, однако его рассеивание ведет к бесцельной растрате. Целью является память, которую символизирует узкогорлый сосуд. Изображение делает наглядными динамику и диалектику, которые свойственны памяти, где всегда не хватает места, чем и объясняется неразрывная взаимосвязь памятования и забвения. Суть эмблемы заключена в развернутой ленте: «*Periit Pars Maxima*» («Наибольшая часть утрачивается»).

Эмблема, состоящая из изображения и надписи, иллюстрирует один из постулатов мнемотехники — науки, которая изучала возможности человеческой памяти и была вновь открыта в эпоху Ренессанса. Мнемотехника разрабатывала все новые и новые приемы, с помощью которых увеличиваются способность запоминания и сила памяти. Таким образом, эмблема содержит не только пессимистический диагноз относительно узких рамок человеческой памяти, но и обещание их расширить. Человек, прошедший обучение у виртуозов мнемотехники, сумеет расширить горлышко сосуда собственной памяти и упорядочить надежно сохраняемое содержимое, чтобы

¹ *Henkel A., Schöne A. (Hg.) Emblemata. Handbuch zur Sinnbildkunst des XVI. und XVII. Jahrhunderts. Stuttgart, 1967. S. 1387.*

можно было легко отыскать и извлечь необходимое. Эмблема исполняла роль рекламного объявления, с помощью которого учителя мнемотехники превозносили в раннее Новое время свое искусство, дабы привлечь клиентов. Приписка предостерегает: «Все прочитанное и заученное наизусть мигом забывается, стоит лишь отвернуть голову от книги», если только не научиться у нас тому, как укрепить «мускулы памяти» с помощью систематических тренировок.

Несмотря на провидческое сочетание книги и облака, сама эмблема создана в то время, когда индивидуальная память, будучи тесно связанной с культурной памятью, имела другую значимость. Поэтому было так важно тренировать память. При этом тогда еще не считалось, что память можно использовать лишь функционально, в качестве подсобного инструмента, например чтобы сдать экзамен, а потом напрочь забыть сданный предмет. Зубрить, чтобы сразу забыть, — такое отношение к памяти совершенно противоположно признанию ее огромной ценности, которым она пользовалась от Античности до Нового времени и которое сконцентрировалось в изречении, цитируемом даже Кантом: «*Tantum scimus, quantum memoria tenemus*» («Мы знаем лишь столько, сколько храним в памяти»)¹. Согласно этой традиции, память следовало наполнить солидным запасом сведений, авторитетных суждений и большим набором цитат. Но уже Монтень ставил под сомнение подобную традицию классической риторики, отдавая предпочтение свободной игре разума. Монтень не верил рекламным увещаниям мнемотехников и поэтому стал первым адвокатом забвения. Со времен Просвещения разум и память расстыковались и начали развиваться в разных направлениях.

Независимо от принадлежности к своей традиции и от своего культурно-исторического контекста эмблема дает

¹ *Kant I. Anthropologie in pragmatischer Hinsicht (1797). Ausgabe der Preußischen Akademie der Wissenschaften. Berlin, 1902. Vol. VII. S. 184.*

нам представление о динамике памяти, динамике, в которой забвение и запоминание тесно взаимосвязаны. То, что мы обычно считаем полярно противоположным, оказывается — из-за нехватки места и обусловленных этой нехваткой императивов памяти — сложным переплетением двух начал. Запоминание столь тесно сопряжено с забвением потому, что они вместе определяют ритмы нашего сознания. То, что мы вспоминаем, должно было на время уйти с горизонта нашего сознания. Воспоминание не является прямым извлечением из памяти некоего знания (к чему стремились мнемотехники), а скорее напоминает «повторение» или «опознание» чего-то спустя некоторое время. Воспоминания приобретают весомость и значимость за счет преодоления временного интервала или некой фазы отсутствующего сознания: воспоминание возвращает нашему восприятию то, что ненадолго или на продолжительный срок не было предметом нашего внимания, знания или активного переживания. Высказывание американского писателя Амброза Бирса характеризует воспоминание и забвение как различные состояния нашего сознания: «Нечто прежде не осознаваемое вызывается памятью с некоторыми дополнениями»¹. В этом отношении примечательна мысль Фридриха Георга Юнгера, одного из первых исследователей забвения. Он предложил различать два вида забвения; один из них сопряжен с утратой, другой — с сохранением: «Забвение, которое сохраняет мысль и позволяет вернуть ее для размышлений, можно назвать неосознаваемым сохраняющим забвением»². Сохраняющее забвение — это латентная память.

¹ *Bierce A.* Das Wörterbuch des Teufels. Frankfurt a. M., 1980. S. 26.

² *Jünger F. G.* Gedächtnis und Erinnerung. Frankfurt a. M., 1957. S. 16–17. О понятии «латентного» см.: *Gumbrecht H. U., Klinger F.* (Hg.) Latenz. Blinde Passagiere in den Geisteswissenschaften. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2011. (А также: *Гумбрехт Х. У.* После 1945. Латентность как источник настоящего. М., 2018. — *Примеч. ред.*)

Исходя из сказанного, нельзя представлять себе памятование и забвение лишь в качестве противоположностей, но нельзя и отождествлять их. Часто приходится слышать, что рутинные ритуалы повторения лишь потворствуют забвению. При малейших признаках рутинности, тривиальности или коммерциализации памятование осуждается как разновидность забвения. С особой осторожностью следует относиться к двум явлениям, известным в качестве невропатологий: абсолютной памяти и абсолютному беспамятству. Об опасности этих крайностей свидетельствуют как заключения медиков, так и фантастические истории, запечатленные в литературных произведениях и художественных фильмах. Полное стирание памяти происходит в случае болезни Альцгеймера; об обратном явлении — «total recall» — повествуют фильм с Арнольдом Шварценеггером в главной роли («Вспомнить все») и рассказ Борхеса «Фюнес, чудо памяти»¹.

Память с ее различными видами скрещивания памятования и забвения колеблется между двумя крайностями: «все сохранить» и «все стереть». В промежуточных состояниях память открывает различные пространства для того, к чему она позднее возвратится вновь. Такие пространства можно представить себе в виде магазина с витриной, торговым залом и складом. И в памяти некоторые вещи оказываются более или менее доступными, наличными и готовыми к извлечению. Кое-что можно заметить на витрине, гораздо больше выставлено в торговом зале, еще больше убрано до поры до времени на склад, чтобы по запросу быть извлеченным оттуда. Эта наглядная пространственная метафора приводится лишь

¹ *Lachmann R.* Die Unlösbarkeit der Zeichen: Das semiotische Unglück des Mnemonisten // Haverkamp A., Lachmann R. (Hg.), *Gedächtniskunst. Raum — Bild — Schrift. Studien zur Mnemotechnik.* Frankfurt a. M., 1991. S. 111–145; *Borges J. L.* Die Bibliothek von Babel und Das unerbitliche Gedächtnis (Funes el memorioso) / Friedl Zapatero J. A. (Hg.) Stuttgart, 2008; *Kis D.* Die Enzyklopädie der Toten. München, 1986.

для того, чтобы лучше понять сложность понятия забвения и подчеркнуть существование различных градаций забвения. Одно бывает легкодоступным, поскольку имеет четкий адрес в хорошо организованной системе синапсов, другое нужно искать дольше или же просто ждать, пока оно само не объявится вновь; а многое оказывается утраченным навсегда. Интересно и парадоксально, что память одновременно служит своего рода монитором, позволяющим синхронно наблюдать и изучать процессы забвения. Святой Августин различал между частичным забвением, которое может быть замечено самим наблюдателем, и полным забвением, которое уже не позволяет вернуть из памяти забытое: «Забыли мы его, однако, не до такой степени, чтобы не помнить о том, что мы его забыли. Мы не могли бы искать утерянного, если бы совершенно о нем забыли»¹.

Память свободно управляет как воспоминанием, так и забвением, что включает в себя даже восприятие трудно-контролируемых движений между осознанием и неосознанностью. Вместо того чтобы считать памятование и забвение абсолютно противоположными или даже делать выбор в пользу одной из этих противоположностей, целесообразнее изучить промежуточное пространство между ними, а также формы их скрещения и пересечения. Подобный анализ сможет выявить дифференциацию градаций, оттенков, скользящих переходов между передним планом осознанного и задним планом неосознанного или бессознательного. Далее будет сделана попытка продемонстрировать динамику воспоминания и забвения в культурной памяти с ее различными институциями и фазами, а также с учетом действия как центростремительных сил сохранения и консервации, так и центробежных сил рассеивания и разрушения. При этом будут рассмотрены три разных уровня и вида взаимосвязей.

¹ *Augustin (Augustinus)*. Bekenntnisse. Buch 10. Frankfurt a. M., 1987. S. 533. На русском см.: *Аврелий Августин (Блаженный)*. Исповедь. М., 2007.

Во-первых, памятование и забвение происходят как в активном, так и в пассивном варианте, причем следует подчеркнуть, что архив с необходимостью активен по отношению к функции консервации, однако скорее пассивен по отношению к иерархии, действующей в культурной памяти. Во-вторых, приведенная схема указывает на разделение функций и взаимодействие различных институций. Музеи и библиотеки, гуманитарные науки (филология, искусствоведение, археология) работают как в сфере канона, так и в сфере архива. Схема отражает подвижность культурных объектов в поле напряжения между памятованием и забвением. Жизнедеятельность культурных объектов осуществляется между каноном, архивом и децентрализованными хранилищами. То, что попало в архив, может при переоценке или переосмыслении вернуться в канон, а артефакты, сохранившиеся под землей, могут быть возвращены в музеи археологами или палеоисториками. Пассивное забвение не окончательно; обнаруженные реликты могут опять попасть в хранилища или выставочные залы. Но это лишь отчасти справедливо для активного забвения. Того, что насильственно разрушено или сознательно уничтожено, уже не вернуть. Здесь остается лишь возможность рассказать или создать копию, чтобы вспомнить утрачу и предотвратить полное забвение. Но предлагаемая схема не должна вводить в заблуждение, ибо и на нее распространяется смысл изречения: «Наибольшая часть утрачивается» (и это хорошо).